

чего походяго на то, чѣмъ была напр. русская лѣтопись уже въ концѣ XI вѣка. Первые лѣтописныя попытки дѣлались не ранѣе конца XIV и начала XV вѣка: о древнѣйшихъ временахъ эти лѣтописи знаютъ только то, что можно было извлечь изъ литературы указанныхъ выше житій. Таковы напр. „Житіе и жителство краль и царей сръбскихъ, кои по комъ или колико царствова“ (до 1453 г.). „Исторія въ кратцѣ о сръбскихъ царей“ (до 1503 г.), „Лѣтописецъ господь сръбскихъ“ (Сеченицкій, до 1501), къ которому прибавлена и хронологія всемирныхъ событій съ сотворенія міра; наконецъ разные другіе лѣтописцы, состоящіе изъ простаго, голаго обозначенія годовъ и происшествій¹⁾. Эти монастырскія лѣтописи не лишены значенія для сербской исторіи, но въ литературномъ смыслѣ не представляютъ ничего замѣчательнаго: въ ихъ сухомъ и короткомъ перечетѣ нѣтъ ни живого разсказа, ни рельефнаго отраженія времени и личностей, что мы находимъ напр. въ русской лѣтописи²⁾. Сербскія лѣтописи кончаются большей частью съ XVI вѣкомъ, въ нѣкоторыхъ занесены календарнымъ образомъ и событія XVII вѣка. Послѣднимъ представителемъ старой эпохи сербскаго лѣтописательства былъ Юрій Бранковичъ (ум. 1711), послѣдній „деспотъ“: во время своего двадцатилѣтняго заточенія въ Эгеръ, въ Богеміи, онъ написалъ „сербскую исторію“, доведенную до времени Леопольда I³⁾.

Изъ памятниковъ не-монашескаго авторства и которые можно было бы назвать народными по ихъ содержанію, замѣчательнѣйшее и единственное явленіе представляетъ Законникъ Стефана Душана („Законъ благовѣрнаго царя Стефана“ и пр. Ходошская рукопись 1390 г.). Онъ составленъ былъ на двухъ скупщинахъ или соборахъ, 1349 и 1354 г., въ присутствіи сербскаго патріарха, „со всеми архіереями и церковниками, малыми и великими“, и царя Стефана, „со всеми властелями своего царства, малыми и великими“. Это произведеніе національнаго собора, какъ множество другихъ памятниковъ средневѣкового законодательства, не было плодомъ личной мысли одного законодателя. Законникъ утверждалъ то, что было уже готовымъ результатомъ самой жизни: съ одной стороны онъ служилъ дополненіемъ церковному византійскому законодательству, уже дѣйствовавшему ранѣе, съ другой подтверждаетъ законы прежнихъ царей, освящаетъ народный обычай

¹⁾ Изданія Шафарика (Památky), Николитца, Вукомановича, Срецьковича, Гяича и др. въ „Гласникѣ“, „Старинахъ“, Григоровича („О Сербіи“) и проч.

²⁾ Сами сербскіе историки очень невысокаго мнѣнія объ этихъ лѣтописяхъ. См. Новаковича, Ист. кн. 75—77.

³⁾ Она до сихъ поръ остается неизданной; ею пользовался Ранчъ и другіе сербскіе историки. Одна лѣтопись „Бранковича“, служившая ему источникомъ вѣстей съ другими, — въ латинскомъ переводѣ Пенчевича, издана въ „Архивѣ“ Кукулевича, 3, стр. 3—30. О самомъ Бранковичѣ см. Шафарика, Serb. Schriftthum, 129—131; Les Serbes de Hongrie, 61—65.